

6. Моисеева, Г.Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина / Г.Н. Моисеева // XVIII век : сб. ст. и мат-лов / под ред. академика А. С. Орлова. – Л. : Издательство АН СССР, 1989. – Вып. 16. – С. 104–109.
7. Рыбаков, С.В. В.Н. Татищев в зеркале русской историографии / С.В. Рыбаков // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 161–167.
8. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен / В.Н. Татищев. – М. : Императорский Московский Университет, 1768. – Кн.1. – Ч. 1. – 262 с.
9. Шмидт, С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России / С.О. Шмидт. – М. : Языки славянских культур, 2009. – Т. 2 : От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. – Кн. 1. – 576 с.

Хацько Е.В.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ
В ТРУДАХ Т.Б. МАКОЛЕЯ

Томас Бабингтон Маколей – английский историк, публицист, общественный и политический деятель первой половины XIX в., автор многотомной «Истории Англии от восшествия Якова II на престол» и многочисленных эссе. Однако популярность его вышла далеко за пределы Великобритании благодаря оригинальному видению историком прошлого своего государства и Европы в целом, а также необычному стилю изложения своих материалов, соотношению в них фактов, основанных на исторических источниках, и художественного вымысла, придающего им характер исторических романов, основанных на реальных событиях.

«История, – говорит Маколей в одном из своих эссе, – по крайней мере в состоянии идеального совершенства – это соединение поэзии и философии. Оно поражает общие истины разума ярким представлением конкретных персонажей и инцидентов. Но до сих пор не было известно, чтобы, фактически, два враждебных элемента, из которых оно состоит, сформировали идеальное слияние; и задолго до наших времен они были совершенно разделены. Хороших историй, в правильном понимании этого слова, у нас не было. Но у нас есть хорошие исторические романы и хорошие исторические эссе» [1, с. 89]. Т.Б. Маколей считал, что причина заложена в постоянном конфликте разума и воображения, и все историки излишне подчиняют ее либо первому, либо второму. В результате этого получается либо вымысел, либо теория [2, с. 328].

Именно примирение двух враждебных элементов истории было мечтой ранних амбиций Т.Б. Маколей и серьезным делом его поздних лет. Он утверждал, что две стороны истории – элемент сути и элемент искусства, который облачает суть в привлекательную форму, – всегда были слишком очевидны для историков, чтобы их упускать из виду. В самой ранней форме истории – поэзии и легенде – элемент сути уменьшался до минимума и почти совершенно переживался элементом искусства, который создавал суть без ограничений. Однако со временем возникла объективная необходимость вести точную летопись фактов, появились первые простые летописи и затем история в общем смысле этого слова. Относительная пропорция двух элементов в ней никогда не была тщательно определена и была оставлена на усмотрение отдельных авторов. В целом, однако, художественный элемент долго превосходил над сутью. Поиск фактов, даже когда это было необходимо, был поверхностным, главным предметом историков было показать их талант в рисунках прошлого, в котором воображение превосходило реальность. Мастера этой художественной формы истории, по мнению Т.Б. Маколей, – четыре великих древних человека, два грека и два римлянина: Геродот, Фукидид, Ливий, Тацит. Современники долгое время только копировали древних в истории, как и во всех других областях [4, с. 153].

Лишь к концу XVIII века, по мнению ученого, история получила новый импульс. Сложная социальная и политическая структура общества сделала необходимым с большей точностью изучать определенные общественные вопросы, и этот расширенный взгляд на настоящее вскоре был применен историками и в отношении прошлого. А Французская революция, которая показала резкую смену социальной стратификации, ускорила этот процесс. В начале XIX века, считал Т.Б. Маколей, «история изучалась новыми глазами». Стало очевидно, что она вся должна быть написана заново, что старые писатели видели чуть больше поверхности и были скорее «геодезистами», а истории на тот момент уже требовались «геологи», которые могли проникать на большие глубины [2, с. 330].

С XIX века прошлое начало научно изучаться не для творческих целей, чтобы сочинять красивые рассказы, не для политических целей, чтобы находить материалы для участников боевых действий, не для теоретических целей, чтобы создать правдоподобную, но преходящую философию истории, но для точных и поддающихся проверке знаний. Это был процесс, через который прежде прошли другие науки: изучение небес от астрологии до астрономии, изучение со-

става органов от алхимии до химии, изучение медицины от поиска эликсира молодости до серьезной терапии. Результатом этого процесса в истории стало снижение и почти разрушение художественного элемента. Стало очевидным, что источниковая база предыдущих исторических произведений полна пробелов и требует от исследователя серьезной и тщательной работы. Труды историков предшествующих эпох стали считаться не достойными называться научными, а новые напоминали лишь констатацию фактов. Таким видел Т.Б. Маколей процесс становления исторической науки [4, с. 154].

Ни один историк до него не рассматривал когда-либо свою задачу с той же точки зрения или ставил целью добиться такого же результата; ни один так не решил рассматривать реальные события в виде рассказа или романа. Многие историки до Т.Б. Маколея делали все возможное, чтобы быть живописными, но ни один из них никогда не представлял возможным из рассеянных фактов с помощью кропотливого труда, руководимого художественным талантом, собрать мозаику, которая в цвете, свободе и отделке могла соперничать с художественными произведениями. Он доказал, что объем источников и исторических фактов в таком произведении может быть не меньшим, чем доля художественного вымысла. Если биография каждого исторического персонажа известна максимально подробно, то вполне возможно, по мнению историка, что каждый из них представит себя в повествовании, и ему не придется прибегать к вымыслу, как это делает писатель, в отношении своих героев [4, с. 156].

Советский исследователь К. Татарина отметила, что, приступая к созданию «Истории Англии», Т.Б. Маколей составил обширный план предварительных работ, в который входило не только изучение огромного количества опубликованных и архивных материалов, но и личное знакомство со всеми территориями, которые будут упомянуты в книге. И этот план он осуществил, посетив почти все местности, связанные с событиями описываемой эпохи, и изучив грандиозное количество документов в публичных и частных архивах. Т.Б. Маколей пересмотрел не только множество официальных документов, мемуаров, писем, но и памятников народного творчества того периода: народные песни, памфлеты, сатиры. Его трудолюбие в этом отношении может вызвать восхищение. Исчерпывающие знания предшествующей истории каждого места, упомянутого в его «Истории Англии», позволили писателю нарисовать замок, город или особняк с высокой точностью и местным колоритом. У историка не было недостатка в сведениях, скорее перед ним стояла проблема отбора. Т.Б. Маколей выбирал самые яркие черты, наиболее характерные оттенки предмета, господствовал над обширным материалом, упорядочивал его [3, с. 44].

Рассуждению о фактах в истории он уделит отдельное место в своих эссе: «В вымысле принципы даны, а факты создаются; в истории же, наоборот, по данным фактам выводятся принципы; писатель, который умеет только представлять, а не выяснять явления, выполняет только половину своей задачи» [2, с. 339]. Он говорил также о том, что многие романы или биографические книги очень популярны среди читателей, а истории великих империй «лежат нечитанными на полках в библиотеках хвастливых богачей» [2, с. 367]. Причина этого кроется в неумении многих историков правильно отбирать факты, акцентировать внимание на деталях: «Они думают, что останавливаться на частностях, составляющих прелесть биографии, унижительно для достоинств людей, описывающих народные перевороты» [2, с. 367].

Т.Б. Маколей говорил, что историю определяют как философию, обучающую на примерах. Чем глубже в ней философия, тем невыразительнее и тусклее эти примеры. Идеальный историк должен обладать таким воображением, которое делало бы его повествование живописным и действующим на чувства. В то же время, ему необходимо достаточное самообладание, чтобы довольствоваться только имеющимися материалами и удерживать себя от восполнения недостающего из собственной фантазии. Настоящий историк не должен поддаваться искушению отбирать факты только в пользу собственной теории. Он также проводил различие между воображением, необходимым для создания художественного произведения, и воображением историка.

Применение только подходящих для теории фактов, неумение правильно отбирать их и уделять внимание деталям историк считал одним из главных недостатков современных историков, но далеко не единственным. Т.Б. Маколей указывал также на неумение многих изложить свои произведения живым и образным языком, доступным, интересным и понятным каждому. Для того, чтобы написать идеальную историю государства, настоящий историк, по мнению Т.Б. Маколея, не должен упускать важнейшие битвы, осады, переговоры, смены правительств, но все это он должен «пересыпать подробностями, составляющими прелесть исторических ро-

манов» [2, с. 371]. Только тогда, считал Томас Бабингтон, у людей появится знание, которое может помочь составить верные заключения относительно будущего. Правильно написанная история способна внушить множество истин, которые невозможно внушить ни одним другим способом. Лишь историк, который соблюдает все принципы, правила и приемы, по мнению Т.Б. Маколей, сможет достичь главной цели – пользы для общества.

Своими взглядами на идеальный исторический труд, соотношение в нем источниковой базы и приемов художественной литературы Т.Б. Маколей заслужил немало критики со стороны европейских и особенно советских историков. Основные доводы «обвинения» в сторону историка заключаются в том, что рассказать историю большого государства в поразительном стиле, подходящем приключенческому рассказу, – это ошибка. Однако согласно плану историка, такие красочные, порой анекдотичные отрывки не просто украшение повествования, они являются частью целой структуры; их удаление было бы удалением не просто художественного нароста, а большого количества содержания, так как все они основаны на реальных фактах. Т.Б. Маколей сознательно использовал такой стиль. Его художественное обрамление известных фактов – это не литературное украшение, а дополнительные факты, для которых он способен найти подходящее место. Исторические источники служат ему не только для извлечения из них исторических фактов, но и для поиска дополнительных деталей, на которых могут базироваться художественные приемы [4, с. 157].

Подвергнув тщательному анализу произведения историка, можно сделать вывод о том, что многие сцены из его «Истории Англии», считавшиеся художественным вымыслом, – факты, которым ранее не уделялось должного внимания. Таким образом, критика методологической концепции Т.Б. Маколей вполне оправдана. Однако она не может основываться на том, что автор использовал недостаточное количество источников и фактов, превратив историю многих государств в исторический роман. Скорее историк использовал огромное количество малоизвестных фактов и мелких деталей, позволивших ему применить к ним литературные приемы. В этом и может заключаться главный недостаток видения идеального исторического труда Т.Б. Маколеем. Применение его модели для длительных периодов является физически невозможным. Пять томов «Истории Англии», которые успел написать Томас Бабингтон, охватывают около пятнадцати лет. Его первоначальной целью было довести свое повествование до конца правления Георга IV, т.е. описать события практически полутора веков. Чтобы осуществить задуманное, придерживаясь такой методики, историку понадобилось бы более пятидесяти томов. Он писал в среднем том в три года, поэтому все его дело заняло бы сто пятьдесят лет, а описание событий занимало бы больший период времени, чем они происходили в реальности. История имела бы невероятный объем.

Практическое воплощение опровергало теорию, выстроенную Т.Б. Маколеем. Но он не мог позволить себе сократить материал без ущерба для своего понятия о том, как должна быть написана его книга. Историк создал такой масштаб, что полное завершение его замысла было за пределами ограниченного периода человеческой жизни. Такая структура, обширная и величественная, требовала продолжительности для гармоничной пропорции. «“История Англии” напоминает один из недостроенных соборов Бове. Нарядный и поднимающийся ввысь хор хочет уравновешенности волшебного нефа, и шедевр французской готики лишен должного ранга от простой незавершенности», – сравнивал труд Т.Б. Маколей английский исследователь Дж.К. Морисон [4, с. 162].

Вопросы об отборе и группировке исторических источников и фактов, соотношения теоретического и художественного, поставленные Т.Б. Маколеем, по сей день не имеют однозначного ответа. Однако его модель написания истории нашла множество почитателей, а произведения долгое время оставались востребованными и популярными во всем мире. В последние годы большую популярность имеет локальная история, для которой вполне применима методологическая концепция историка. Однако в современной белорусской историографии отношение к деятельности Т.Б. Маколей продолжает базироваться на советской оценке, согласно которой ученый был назван «фальсификатором истории», а его многочисленные труды фактически не исследованы. Современный анализ его исторического наследия доказывает, что отечественной науке необходим пересмотр вклада Т.Б. Маколей в развитие мировой историографии.

1. Маколей, Т.Б. Галлам // Маколей Т. Б. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Маколей. – СПб. : изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1865. – Т. 1. – С. 89–177.
2. Маколей, Т.Б. Об истории // Маколей Т. Б. Полн. собр. соч. ... – Т. 13. – С. 327–375.
3. Татаринова, К.Н. Маколей как историк / К. Н. Татаринова // Вопросы истории. – 1945. – № 5. – С. 44–53.
4. Morison, J.C. Macaulay / J. C. Morison. – L. : Macmillan and Co, 1889. – 187 p.